

18+

Сергей
Казначеев

ОСВОБОЖДЁННЫЕ ВОДЫ

фантастическая повесть

Сергей Казначеев

**Освобождённые воды.
Фантастическая повесть**

«Издательские решения»

Казначеев С. М.

Освобождённые воды. Фантастическая повесть /
С. М. Казначеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532036-0

Есть идея — распрудить водохранилища на Волге и сбросить освобождённые воды в засушливые земли, степи, пустыни Средней Азии и Калмыкии. Вопрос, актуальный сегодня, решается на рубеже XXI–XXII веков. Но благими намерениями вымощена дорога в ад. Утопия оборачивается антиутопией: в обезвоженных районах начинаются эпидемии, южные края заболачиваются. Разумный проект грозит глобальной катастрофой... *в оформлении обложки использована картина В. А. Джанибекова

ISBN 978-5-00-532036-0

© Казначеев С. М.
© Издательские решения

Содержание

АКАДЕМИК И СЫН	6
ОПАСНЫЙ ПРОЕКТ	9
ЗУАХТАРЫ	13
БУРНЫЕ ПОТОКИ	15
ВСЕ МЫ – КИБОРГИ!	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Освобождённые воды

Фантастическая повесть

Сергей Михайлович Казначеев

Дизайнер обложки Никита Ворожищев

© Сергей Михайлович Казначеев, 2021

© Никита Ворожищев, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-2036-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АКАДЕМИК И СЫН

Академик Иван Дмитриевич Барметьев сидел в своём кабинете и внимательно вглядывался в электронный телескоп. Он наблюдал за строительством третьего модуля экспериментальной исследовательской станции «Аэлита» на Марсе. С самого начала там что-то пошло не так, а почему – неизвестно. Сами космонтажники то ли не могли разобраться в причине серьёзных неполадок, то ли – темнили, а посмотреть на ход работ руководителю проекта – не налетаешься. Вот и предпринимались все возможные попытки прямо с Земли установить и, по возможности, искоренить корень проблемы.

Телескоп представлял собой миниатюрный планшет, имплантированный в ладонь руки и плазму во всю стену. Он был соединён с глобальной информационной системой ВИМ¹, которая вобрала в себя все социальные сети, средства массовой информации, открытые источники сведений, и в просторечии именовалась как Большой Муравейник. Развёрнутая картинка давала более чёткое представление о происходящем за миллионы километров, но, к сожалению пользователя, транслировала изображение в трёх, максимум четырёх ракурсах. Планшетом же можно было манипулировать сколько угодно, меняя проекции и угол обзора. Это предоставляло удобство; академик расположился в витасиликоновом биометрическом кресле, откинувшись на спину, но рука всё равно затекала – как-никак, сто тридцать пять лет: не шутка!

Он вытянул из паза мундштук микробара и пробежался глазами по табло выбора напитка. Персик-папайя, тыква-арбуз, киви-ананас, черника-гонобобель... В результате он заказал специально синтезированный для него сок антоновских яблок, идентичный натуральному. Освещающая прохладная струя окатила слегка увядающий рот старика (регенерацию нёба и языка не проводили лет семь). Впрочем, какой же он – старик! Сил и бодрости, тьфу-тьфу, не занимать. По крайней мере, так ему представлялось, но как на самом деле – всё равно медики-геронтологи по-честному не скажут. А может, и сами толком не знают.

В распахнутое окно вливались упругие волны июньского, прогретого, но свежего воздуха. В купах платанов, вязов и грабов носились и отчаянно пересвистывались синицы, поползни и ополовники, коротко, пронзительно потенькивали дятлы, истошно верещали сойки, иногда с ближайшего луга раздавался деревянистый треск коростеля. Некоторые магнолии уже отцвели, другие широко распахивали крупнолепестковые цветки навстречу пчёлам, осам и неведомым жучкам, также участвовавшим в опылении. Небесный свод то и дело пронизывали стрелы вертолетов, вертолеты и аэротакси. Неожиданно внимание Барметьева было отвлечено лёгким характерным шелестом.

Астроном не без труда, побряхтывая, поднялся на ноги. Почти все суставы его давно были заменены на вольфрам-рениевые протезы, но, как видно, уже сами мышцы потеряли былую гибкость, а сухожилия – крепость. Спортом Барметьев уже почти не занимался, только по утрам тягал двухпудовую гирию и делал прокат на электророликах или ножном сегвее до метеостанции и обратно, но это что – всего двадцать километров!..

Он вышел на лоджию и с наслаждением вдохнул аромат буйного цветения. В листве кипела невидимая жизнь. Инсекты дрались, спаривались и пожирали друг друга. Птицы тоже не упускали возможности склевать вкусную и калорийную добычу. Академик вспомнил, как в середине XXI века Мировое Правительство пыталось переориентировать человечество на питание насекомыми, но благодаря усилиям евразийских учёных были доказаны вред и пагубность такой смены рациона, и от идеи решительно отказались, тем более, что успехи по производству биопластика привели к тому, что многие приготовленные из него

¹ ВИМ – всемирный информационный модератор.

блюда по вкусу превзошли естественный оригинал. Хотя находились ещё немногочисленные приверженцы старинной пищи – сторонники идеи древнеедения.

Тем временем шелестение усилилось, и перед глазами Барметьева возникла летучая доска (академику не нравилось официальное название – аэроборд, он по старинке пользовался русским именованием), на которой, молодежато подбоченясь, стоял его единственный сын Парамон Водограев. Его львиная рыжекудрая грива растрепалась в полёте. Кое-где в ней копошились запутавшиеся золотистые осочки. После трагической гибели его матери Лилианы он взял фамилию той, вроде бы в честь неё, но отец подозревал, что сын просто не пожелал «примазываться» к громкому имени академика. Молодость всегда рифмуется с гордостью. Но это, разумеется, было его право и личный, продуманный выбор.

Доска зависла напротив лоджии. Сын, приветливо улыбаясь, помахал отцу, а потом не без грации соскочил на биовиниловые перила, услужливо расширившиеся навстречу его прыжку, хотя молодой человек легко спружинил бы и на твердокаменную поверхность. «Ох, уж эти мне умные вещи!» – подумал академик, которому не удавалось привыкнуть к тому, как предметы самоуверенно стараются предугадать все желания людей, хотя чаще всего это им удаётся.

Парамон легко спрыгнул на пол и обнял старика, прикоснувшись шеей к его седой кустистой бороде «веником» – академик не стеснялся своей старомодности и предпочитал носить растительность на лице в стиле русского учёного середины XX века Игоря Курчатова.

– Проходи, сынку! – Барметьев вроде бы ласково, но вместе с тем и чувствительно потрепал Парамона по шевелюре. У него были основания сердиться на сына: тот никак не желал сделать старика дедом, а тому так хотелось понянчиться с внуком или внучкой! Ведь отцу уже было за сто тридцать, а сын не раз заводил долгоиграющие и многосерийные романы, но жениться так и не удосужился – ему всё время было некогда или, как тот считал, незачем. Они прошли в релаксационный угол кабинета, опустили в кресла, тут же принявшие формы их сидалищ. «Чресла в креслах», – подумал про себя Парамон, но промолчал: он знал, что отец – не любитель дешёвых каламбуров.

– Ну как, сеньор инженер, что теперь проектируем? – спросил астроном, и по его тону было ясно, что этот вопрос – не жест вежливости, а старик живо интересуется делами сына.

– Не проектируем. Уже воплощаем! Да я говорил тебе полгода назад, но ты же меня никогда не слушаешь. У тебя одни звёзды в голове!.. В отличие от Канта, звёздное небо для тебя, как я вижу, важнее, чем нравственный закон.

Старик обиженно засопел, и принял позу роденовского «Мыслителя», подперев рукой подбородок.

– Постой, отец, – Водограев живо поднялся на ноги. Он заметил, что отцовская рука немного вибрирует. Это был ещё не старческий тремор, но явное предвестие его. – Ты себя совсем не жалеешь! И советую прекратить эти игры с гирей. Надо давать отдых рукам! И ногам тоже. Понимаю, что запасы редких металлов в Солнечной системе достаточны, но запас жизненной силы ограничен.

Это были не пустые слова. Медицина давно установила, что пересадки органов можно проводить до бесконечности, но безвозвратно истаивает внутренняя энергия. Это и становится наиболее частой причиной смертей, хотя продолжительность жизни год от года неумолимо возрастает.

Он взял отца за запястье, ловко выщелкнул из ладони имплант телескопа и вставил на его место вынутый из кармашка батника успокаивающий и оздоравливающий релакс-массажёр. На лице старика расплылась улыбка умиротворения и блаженства, и трудно было сказать, что стало причиной этого удовольствия – действие новомодного прибора или же сознание того, насколько внимателен и заботлив его сын. Поздний ребёнок!

– Но продолжай, сынку! Ты так и не ответил на мой вопрос.

Он часто называл отпрыска в стиле гоголевского Тараса Бульбы, не задумываясь об источнике этого обращения в звательном падеже. Никого из малороссов в роду у них не было; правда, Барметьев в детстве успел ещё застать времена Большой украинской смуты, а уже в молодости внимательно следил за ходом освобождения страны от бандеровской напасти, когда из гущи народа явились два героя (их потом сравнивали с Мининым и Пожарским) – генерал Медведенко из Сумской области и писатель Коперчук с Подолья. Это они железной волей и уверенностью в победе подняли людское море на мягкое, бескровное, но мощное свержение антинародной власти. После этого Украина под наименованием Малороссии вошла в Евразийский Союз; Мариуполь, Харьков, Донбасс и Луганщина к тому времени уже были частью России.

ОПАСНЫЙ ПРОЕКТ

Тем временем Водограев начал рассказывать.

– Я говорил тебе о проекте, который предполагает распружение речных водохранилищ. Помнишь?

Астроном напряг память и не вполне уверенно кивнул:

– Да, вспоминается нечто такое, но смутно. Напомни-ка.

– На большинстве наших рек множество полноводных водохранилищ, обладающих огромными запасами пресной воды. Она в них цветёт, застаивается, населяется сине-зелёной водорослью и прочей дрянью... Рыба гибнет, миазмы отравляют атмосферу, меняется климат. Не в лучшую сторону. Вот и было решено – после долгих кропотливых расчётов – выпустить полумёртвую воду на свободу, превратить её в живую. На Земле катастрофически не хватает пресной H₂O. Американцы попытались сделать Большой Каньон вторым Байкалом, закачали из подземных морей воду, но... Получился не Байкал, а то же водохранилище. Со всеми вытекающими в прямом и переносном смысле слова...

Отец слегка поморщился; его и впрямь раздражала неуместная игра слов.

– Ну ладно, не буду, не буду, – успокоил сын, решив говорить как можно проще. – Так вот, успех ожидал гидрологов в Сахаре. Там запасов подземных морей оказалось достаточно, чтобы превратить пустыню в Эдемский сад. Это вывело Африканскую Лигу в лидеры по экспорту овощей и фруктов: вся бывшая Европа питается с этого стола. Мы попытались повторить это достижение. Но ни под Аравией, ни под Каракумами и Кызыл-Кумами запасов воды не оказалось. Вернее, её нашли, но ничтожно мало. Слезы, а не объёмы. Индокитайцам повезло больше: им удалось превратить Гоби в плодоносный регион. В своё время, как ты, наверное, помнишь, шёл большой спор из-за Монголии: куда её отнести – к Евразии или Индокитаю. Но восточные аргументы – и исторические, и географические оказались сильнее, и вода из Гоби пошла не в Среднюю Азию, а на Юго-Восток. Тогда там был глубокий коллапс, и если бы не водоводы с Алтая, то желтолицым потомкам кочевников пришли бы кранты.

Старик снова нахмурился: такая лексика была ему не по нутру, хотя по молодости лет он наслушался куда более крутых оборотов. Ему невольно захотелось возразить, урезонить самоуверенного водомера.

– А ты помнишь о проекте поворота северных рек, который хотели реализовать во второй половине двадцатого века? Его же тогда остановили.

Парамон задумчиво и несколько досадливо согласился:

– Ну да, нам рассказывали о нём в университете. Но как всё это было на самом деле, напомни!

Как все молодые люди, он был уверен, что их отцы, а тем более – деды помнят про царя Гороха. «Мальчишка! – не без зависти подумал Барметьев. – Где мои шестьдесят пять лет? А ведь тогда он считался поздним ребёнком!» Но вслух академик только сухо буркнул:

– Это было задолго до моего рождения.

Сын виновато свесил кудлатую голову. Помолчав, Барметьев веско прибавил:

– Проект остановили писатели.

– Писатели? – вскинулась светло-рыжая шевелюра. – Как так – писатели?

– Да, так! Русские писатели. Залыгин, Распутин, Астафьев, Солоухин, Белов... Некоторые из них ныне забыты, а зря. Это они стеной выступили против столь губительного для страны и этноса прожекта. Так они считали. В своё время я листал статьи Сергея Залыгина. Ты знаешь, он рассуждал там почти как профессиональный гидролог...

– Так уж и профессиональный!

– По крайней мере, в моём понимании. Он писал о вероятных экологических последствиях, и его прогнозы казались очень убедительными. Кстати, в то время ушло такое понятие, как гидрометеорология, оно раздвоилось. Как бы ты сострил на моём месте, на метео и гидру. Стало понятно, что гидрология – слишком самостоятельная дисциплина. Но я отвлек тебя, прости.

– Так вот. А теперь пришла идея направить воду из средне- и нижеволжских водохранилищ в Калмыцкие чёрные степи, Казахстан и Среднюю Азию.

– Подожди! – снова прервал его Барметьев. – Тогда ведь тоже попытались реализовать такой колоссальный план. Уже строился канал Волга-Чограй. Смысл его состоял в том, чтобы пустить Волгу, вернее часть её воды по старому руслу, которое, якобы, проходило по Калмыкии и Ставропольскому краю, орошало их, питало влагой засушливые степи и впадало в Каспий в устье реки Кумы...

– Папа, да ты рассуждаешь как истинный гидролог! Я бывал в Калмыкии, отец. Видел положение. Голые чёрные степи. Ведь там же практически никто не живёт! Что там делать?

– Вот именно! А если бы так сделали, неизвестно, что произошло бы с поймой реки Ахтубы, всей Астраханской областью, которая пронизана сетью боковых ответвлений Волги, где жили и нерестились осетры...

– Подожди-подожди, отец! Откуда ты всё это знаешь? Я думал, ты интересуешься одними звёздами!

– Откуда? Об этом много писали.

– Ну а тот, новый канал... как ты сказал?

– Волга-Чограй.

– Да. Его собирались облицовывать бетоном или другими твёрдыми породами?

– Да нет, конечно.

– Но тогда ведь большая часть воду просто ушла бы в песок!

– Вот именно! – согласился старик. – Поэтому проект вовремя и прикрыли. Хотя денег к тому моменту угробили выше крыши. И столько же разворовали. Минводстрой – министерство водного строительства, которым руководил товарищ Полад-заде, стало самой богатой и могущественной организацией в тогдашнем Советском Союзе. Ты не боишься, что в вашем случае этот печальный сценарий повторится? Кстати, ты толком не рассказал о нынешнем проекте.

– Хорошо-хорошо. Главное в нём то, что все возможные риски внимательно просчитаны и практически сведены к нулю...

«К нулю! Знаем мы эти нули без палочки!..» – саркастически подумал отец, но ничего не сказал. Сын же продолжал вдохновенно витийствовать:

– Это крайне выгодный ход в геогидрологии! Ирригация засушливых регионов принесёт невиданный экономический прирост. Мы вспомним, что такое настоящий хлопок. Наши модницы вместо поликоттона оденутся в натуральный батист, ситец, фланель, бязь, бумазею и что там ещё? В байку и натуральный гипюр!.. Потом... Наконец возродится многострадальный Арал! Гидроэлектростанции придётся демонтировать, но мы научились с максимальной пользой преобразовывать бетон. Он пойдёт на обустройство каналов. А сколько там металла! Донья водохранилищ за два столетия накопили такое количество плодородного ила, что им можно удобрить полстраны! На поверхности окажутся затопленные сёла, города, сады, парки... Храмы, в конце концов!..

Барметьеву захотелось перекреститься, но он сдержался.

– Так вот, у нас всё практически готово к началу пуска воды, вырыты каналы, сооружены шлюзы, мосты, водоспуски, станции перекачки, насосы, диспетчерские пункты, словом, – вся инфраструктура.

– Так быстро?

– А что? У нас поверхностно-глубинный проходческий щит движется со скоростью велосипедиста.

– Велосипедисты могут ездить по-разному. Слышал про сюрпляс²?

– Слышал. Я имею в виду среднюю скорость. Но дело не в этом. Теперь практически всё позади, идут последние согласования, и на днях заслонки будут открыты – волжские воды заструятся на юго-восток, в засушливые земли, среднеазиатские пески и калмыцкие степи. Она принесёт с собой жизнь, свежесть, цветение! А потом... Потом дело дойдёт до Новосибирского водохранилища и Братского моря, изуродовавшего красавицу Ангару. Правда, там надо будет действовать ещё осторожнее, чтобы не затронуть священный Байкал.

– Вот именно – священный! Так и сделайте всё по уму!

– Легко сказать! От меня ведь далеко не всё зависит.

– Но ты же в этом деле – важное лицо! На тебе большая ответственность.

– Да не лицо я, папа, а морда! Наглая рыжая морда. Кстати, во многом, по твоей прямой вине.

Старик довольно ухмыльнулся, вспомнив себя в молодости. У него ведь тоже когда-то были пышные кудри. Но это в юные годы волосы растут вверх, а в старости всё больше вниз.

– Короче, – продолжал развивать свою мысль сын, – я действительно на многое могу повлиять. Но самые важные решения принимаются там, наверху, на небе. В этом ты лучше понимаешь. Вот ты – академик, кто тебя тронет? А с меня постоянно стружку снимают. Ты думаешь, извечная бюрократия куда-то улетучилось, улетела на Луну? Как бы не так! Первые лица всегда пребывают в небесах. В райских, так сказать, кущах. До них не сразу докричишься. Но мы стараемся, стараемся...

– Да-а, – задумчиво заключил отец, довольный тем, как выражается его далёкий от вопросов веры сын, и перевёл разговор на более скромный уровень. – Ты поделишь со мной трапезу?

– Спасибо, не могу.

– Неужели так спешишь, что не в состоянии посидеть за отцовским столом?

– Не в этом дело. Профилактическое голодание, пятый день. Ещё двое суток поста. Зато я тебе хавчик привёз!

«Хавчик! Хиппи волосатая...» – беззлобно помыслил Барметьев, ему вновь стало приятно, что сын вспомнил про слово «пост». Придёт, верилось ему, придёт сынок к религии.

Водограев тем временем подошёл к пищевому модулю, посмотрел на показатели приборов, выщелкнул из пенала фидгенератор и вставил на его место новый, который привёз с собой.

– Пап, ты тут не доел. Я оставлю его в криокамере, а то мало ли что...

– Ладно, спасибо, что не забываешь.

– Ну, как я могу!

– Парамон!

– Что, падре?

– Ну, вы там не боитесь нарушить естественный ход жизни?

– В смысле?

– ... уничтожить красивые места на Земле?

– А что, здесь есть красивые места?

– Были, по крайней мере. Ты много летаешь повсюду и, наверное, видишь неземные красоты, но...

– Что но? Да, я слышал, ты по молодости лет был туристом: костерок, рюкзачок, гитарка, девушки? Но что красивого, кроме своих звёзд ты видел в своей жизни?

Сын выражался довольно жестоко, но отец взял себя в руки и ответил:

² Сюрпляс – тактический приём на велотреке, когда гонщики балансируют на месте, чтобы пропустить соперника вперёд, пристроиться сзади него и тем самым и контролировать ход заезда.

– Да, я видел красивые места...

– И-и?.. Назови эти «красоты». Что тебя так особо поразило?

Академик помолчал, не то, чтобы напрягая память, а скорее отбирая впечатления давно прошлого. Потом начал не спеша перечислять:

– Более всего мне запомнились – я не беру в счёт общеизвестные достопримечательности вроде Пятигорска, Гурзуфа, Карловых Вар или Дубровника, но... Наибольшее впечатление на меня произвела Абхазия с её ущельями, водопадами и озером Рица. Великолепна река Псыш в Архызе. Кодры в Молдавии и место силы. Потрясло меня также и высокогорное Медео в Казахстане... Но, знаешь, нигде я так не отдыхал душой, как в окрестностях поволжского села Ундоры. Там такие родники, такие овраги, такие панорамы!.. Швейцария отдыхает...

– А ты и в Швейцарии бывал?

– Бывал. Без особого удовольствия.

– ??

– Гиблое место. Женевское озеро вообще – тоска смертная. А Швейцария – что? Тогда это была страна банков, сыра и наручных часов.

– Тогда носили такой анахронизм?

– Более того: в ту эпоху дорогие часы вдруг стали мерилom достатка и преуспевания. Статусный аксессуар! Словом, все только говорили: «Ах, Швейцария!..» А на самом деле!.. То ли дело – Поволжье. Впрочем, давненько я там отдыхал... Кажется, тот пансионат назывался «Дубки». Мы ходили в тамошний лес и собирали грибы: подберёзовики, лисички, рыжики... Боже, как это было здорово!

– Грибы? – скептически улыбнулся сын, убеждённый, что архаичная страсть к сбору нестерильных грибов есть проявление дремучего мракобесия и старческого маразма. – А в лесу – смазливые и доступные девушки? Ну, тогда понятно!..

– Да что ты понимаешь? Понятно ему! Роботы, блин!.. Ладно, иди! Заливайте всё, закатывайте под каток, вандалы новейшего времени!..

– Да, ладно, батяня! Я ведь это так, к слову. Понимаю, что всё это тебе памятно и дорого. Не сердись!

Парамон порывисто обнял старика и по-спортивному вскочил на перила, перешагнув на появившуюся словно ниоткуда доску (на самом деле, всё это время она «отдыхала», присосавшись к стене):

– Покедова! – он помахал рукой и совершил пробный круг перед балконом.

– «Покедова»! Вы там Баскунчак с Эльтоном не разведите – а то ведь ещё без соли останемся! – крикнул ему вдогонку отец, но тот уже вряд ли услышал это шутовское предостережение. Впрочем, в каждой шутке...

ЗУАХТАРЫ

Ранним утром Парамон Водограев стоял на высоком берегу волжского водохранилища и задумчиво смотрел на таинственно мерцающую гладь воды. Впрочем, сейчас это зеркало казалось отнюдь не блестящим, а сильно запотевшим, да и запах от неё исходил нехороший – это заживо гнила-разлагалась расплывшаяся на жаре сине-зелёная водоросль. Далеко за горизонтом показался тонкий огнистый краешек восходящего солнца, но его свечение уже разлилось по всему светло-голубому небу на востоке, а северная сторона горизонта ещё отливала молочной белизной. Лишь на юго-западной дуге земного циркуля тон небесной сферы был более насыщенно-синим, как цветки придорожного цикория.

Всё было готово к началу глобальной гидротехнической операции. Уже завтра будут открыты задвижки каналов и шлюзов, и освобождённые, застоявшиеся воды хлынут в суперсложную систему сообщающихся протоков и резервуаров, устремятся в сторону засушливых земель Казахстана, пустынь Средней Азии и Калмыцких степей. Пройдёт немного времени, и всё там изменится. Зазеленеют пустоши. Расцветут чудные сады. На месте вчерашней пустыни вырастут изогнутые виноградные лозы и безбрежные хлопковые плантации. Начнёт обнажаться дно, покрытое плодородным слоем тины, появятся на поверхности останки затопленных деревьев, зданий, памятников, церквей. Торжественный момент! А на сердце всё-таки тревожно...

Думая об этом, он и не заметил, как на его спортивное плечо легла невесомая, но тёплая, сухая ладошка. Обернувшись, Парамон узнал свою помощницу, недавно назначенную Управлением.

– А! Это ты, Танзиля! Пришла в последний раз полюбоваться видом мёртвого моря?

– Да... в последний... – в её голосе явственно прозвучала неподдельная, глубокая грусть.

– Ты что – жалеешь!?

– Пожалуй, что да...

– А о чём, если не секрет? – он внимательно взгляделся в её ладную фигурку. Несмотря на технологичный дизайн служебного комбинезона, под ним легко угадывались вполне притягательные женские формы: узкие плечи, маленькая грудь, раздольные азиатские бёдра. Попка, кажется, была немного плосковата, но для потомственной наездницы выпуклость была бы и ни к чему. Впрочем, для углублённого в созидательные размышления гидротехника это сейчас представлялось маловажным. – Ты, по-моему, не очень радуешься воплощению нашего проекта? Ведь вся эта никчёмная вода пойдёт на орошение ваших засушливых земель!

Танзиля помолчала и с лёгким придыханием ответила:

– Да нет, меня всё это... радует, но...

– Что, но?

– ... Да вот... Я ведь по моим наследственным корням – зуахтарка...

– Зуахтарка? Это – что? – он с недоумением воззрился на помощницу. Для него понятие национальности казалось дремучим, бессмысленным предрассудком. – И что? Что это значит?

– Зуахтары на нашем старом языке означает: ищущие воду...

– Ну, так вот! Вот она, вода. Благодаря матушке Волге она напоит ваши пустыни. На месте песчаных барханов возникнут реки, озёра, возродится Аральское море!

– Да, конечно, но...

– Опять это «но»! Забудь ты это слово. Скажи лучше: «Да»!

– Мои предки мечтали найти свою воду. А эта – будет чужая...

– Своя, чужая! У воды нет национальности.

– Я знаю, и всё-таки... Всё предстоящее меня сильно беспокоит.

– Да?.. И что же нам делать?

- Теперь, наверное, поздно...
- И зачем ты только пошла в гидротехники?
- Надеялась помочь своей земле.
- Помогла?
- Нет... Пожалуй, не помогла, – Танзиля смахнула с узкого прищура невидимую росинку.
- Ты – что? Плачешь? Но ведь это же – атавизм! И что у тебя за настроение? В будущее надо смотреть с оптимизмом и надеждой. А, Танзиля?

Она молча кивнула в знак согласия. Пауза затягивалась. Парамон, неожиданно почувствовав себя виноватым, приобнял её худые, слегка вздрагивающие плечи. Но не так, как ей бы того хотелось – не по-мужски, а скорее, по-товарищески.

БУРНЫЕ ПОТОКИ

Через день они снова стояли над тем же обрывом. Вода уже бурными потоками устремилась в каналы, протоки и искусственные резервуары. Она была подобна орлице, внезапно выпущенной из тесной клетки на свободу, не доверяла своим чувствам, клекотала, взмахивала волнами как крыльями, не веря тому, что способна парить легко и своенравно. Но вместо того, чтобы устремиться в гордый полёт, она совершала широкие, неуверенные круги. Вместе с чувством неожиданно накатившей воли, вода ещё не верила в то, что ей предоставлена полная свобода. Она была подобна женщине, разбуженной против её желания, и оттого – недовольной и раздражённой.

Парамон Водограев, наоборот, с нескрываемым восхищением взирал на свершающееся священнодействие. Несмотря на глубокое безразличие к религиозным домыслам и догмам, он сам отчасти ощущал себя богом, демиургом, которому суждено было стать великим преобразователем природы. Освобождённая вода представлялась ему вездесущей материей, которая способна на любые дела в пользу человечества. Танзиля, не решавшаяся перечить его переживанием, стояла за могучей спиной гидроинженера и скромно помалкивала. Но мужчина остро почувствовал резкий перепад в женском настроении.

– Ты что, опять чем-то недовольна?! Ведь мы так долго работали над этим проектом!

– Да нет, довольна, очень довольна!..

Он не очень-то поверил её словам – на лице Танзили было написано безмолвное зухтарское (почему-то он запомнил это странное слово) потрясение.

– Ладно, чего ты!.. – поспешил он подбодрить свою верную помощницу и снова притянул к себе. Та зарделась, вспыхнула и провела ладошкой по глазам.

– Теперь ваши цветы напьются вдоволь? – спросил Водограев, но его вопрос прозвучал скорее как утверждение.

– Да, да!..

За водохранилищем уже показывалось узкая полоска обнажающегося дна, покрытого толстым слоем столетнего ила: от него повеивало духом гниения. Рыба, оказавшаяся в тинистых бочагах, гибла и затухала. Безумные чайки реяли над поверхностью, не зная, радоваться или горевать им над нежданно подаренной обильной добычей. «Ничего! – уговаривал себя Парамон. – Скоро всё просохнет. Отдохнувшая почва придёт в себя, почувствует плодородную силу, способность рожать. Придут роботраки земледельцев. На плодотворной почве зазеленеют сады, поля, луга. Под осень зажелтеют нивы, не хуже, чем на китайских лёссовых подзолах. А пока... пока надо просто переждать...» Вместе с тем, он не мог не признать себе, что непреодолимое чувство смутной тревоги гнездилось и в его гордой, самоуверенной душе.

В этот миг, нарушая беззаботное созерцание, слегка засвербело в ладоннике гидролога, призывно пискнул сигнал е-коммуникатора, и в тишине прозвучала лёгкая мелодия из старинного фильма. Парамон ответил. Брови его стремительно взметнулись вверх и скрылись в спадающей на лоб шевелюре. Он начал разговор в режиме конфиденциальной связи, изредка вставляя короткие реплики-вопросы

– Да! – отозвался он. – Что? Как?.. Не может быть?! Но по легенде, это же должно быть где-то на Ветлуге!.. Чёрт знает что такое!.. С ума сойти можно!

– Что-то случилось? – встревоженно отозвалась Танзиля.

– Да. Звонили из-под Нижнего. Говорят, над поверхностью показались купола града Китежа. Слышала о таком?

Та утвердительно кивнула, хотя и вряд ли отчётливо понимала, что имеется в виду.

– Всё! Срочно вылетаю туда.

– А.. на чём?

– За нами уже выслали авиасани.

И в самом деле, вскоре слышалось мощное лопотание мультипропеллеров и подвывание систем антигравитации. Вскоре на волжский утёс грациозно спустилось многоместное воздушное судно.

Он повернулся к вопросительно смотрящей на него помощнице:

– Мне нужно срочно быть на верхней Волге! Вы готовы следовать со мной?

– Конечно, шеф, – кротко отвечала она, и это прозвучало почти как «Да, мой господин!..»

Почувствовав эту неловкость, она осмелилась спросить, что это за легенда, которую упомянул Водограев. «Потом, потом!..» – коротко буркнул тот.

ВСЕ МЫ – КИБОРГИ!

«Киборги, киборги!.. – скорбно думал академик Барметьев о своём организме. – Все мы давно уже киборги!» Давняя мысль назойливой мухой свербела в его утомлённом перезрелом мозгу. В самом деле, думал он, будучи закоренелым эволюционистом (что вполне сочеталось в его сознании с тайной верою в Бога), древний человек, взявший в руки палку, чтобы сбить с высокой ветки питательный плод, уже сделал шаг в сторону киборгизации. Он продолжил свою конечность, вооружил её, сделал свою плотскую сущность более совершенной и работоспособной. Палка хотя бы на время стала частью его организма, хотя и искусственной. Потом пошли орудия труда, машины, приборы, электроника, квазимеханика. Они помогали людям решать практические проблемы. Человечество не заметило, как оказалось, что оно уже не может существовать без технических приспособлений. Мы не отдавали себе отчёта в том, что наши зубы не могут оставаться в рабочем состоянии без пломб; мы не можем обходиться без зубной щётки, расчёски, мыла, одеколона, кремов и гелей. Хотя женщины раньше поняли, как много для них значит косметика: тушь, помада, румяна. Хорошо ещё, что мода на силиконовые импланты, накачанные губы и нарисованные брови безвозвратно прошла – она стала дурным тоном, знаком духовной неполноценности.

Вместо того чтобы встать, собрать валежника и развести костёр, повесить на провесло котелок с родниковой водой, мы включаем плиты, микроволновки, тостеры и пищегенераторы. Наполняем свои чудо-кастрюльки водой, прошедшей хитроумные фильтры, приборы ионизации и структурирования влаги. Мы не озабочены изготовлением факелов, а щёлкаем выключателем. Чтобы поговорить с соседом, не надо взбираться на высокую гору и орать в ожидании ответа: для этого есть всевозможные гаджеты и кое-где уже наступает время телепатической коммуникации. Когда слабеет зрение, нам на помощь из седой старины приходят монокли, лорнеты, лупы, очки, контактные линзы, монокуляры, бинокли, микроскопы... Телескопы, наконец!.. Мы пользуемся эхолотами, томографами и рентгеновскими аппаратами там, где нужно прозреть через твердь. Нам лень подойти к телепанели, поэтому в руке появляется пульт, а у наиболее продвинутых все эти функции на себя взяли электронные браслеты, перстни и вживлённые микрочипы. Да, несомненно, все мы – давно уже киборги! Наше существование комфортно, можно сказать – безмятежно. Но стали ли мы счастливее от этого?»

Академик глубоко вздохнул и медленно приблизился к дальней стене своего кабинета. Он дважды кликнул пальцем на неприметной панельке. С тихим шелестом часть настенного покрытия раздвинулась, обнажая тайное пространство. Там находился небольшой иконостас с голографическими иконами. Набор ликов был небогат, но достаточен для человека, невоцерковлённого и умеренного в своей вере: Спаситель, Казанская Богородица, Святитель Николай, Иоанн Креститель, Сергей Радонежский, Серафим Саровский...

Одновременно с этим по бокам деликатно воссияли две лазерные свечи, в нижней части киота затеплилась красная электрическая лампадка – надо же иметь в святилище и что-то старорегимное, ностальгическое! Полилось тихое каноническое песнопение. Кондиционер, синхронизированный с домовым храмом выпустил лёгкую струйку смирны, ладана и воска. Эрзац-литургия вошла в свою главную стадию, но академик не знал, кем при этом ему должно себя чувствовать: простым прихожанином, церковным старостой, дьяконом, священником... Вернее, даже не задумывался об этом: эта деталь субординации его не волновала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.